

да и то не в начальные месяцы, а примерно к зиме 1914–1915 гг. Далее, представляется, что довольно подробное описание коллизий в международных отношениях, предшествовавших развязыванию глобального конфликта 1914–1918 гг., можно было значительно сократить, указав вместе с тем на важнейшую характеристику этого периода – «дипломатическую революцию» 1902–1907 гг.³ Вызывает сожаление, что авторы фактически умалчивают о восприятии российским обществом таких стран, как Италия, Румыния и Япония. Между тем при всей периферийности Итальянского и Румынского фронтов по сравнению с Западным и Восточным их значение для объединения усилий Антанты трудно переоценить, а роль дальневосточного союзника, с которым Россия в 1916 г. подписала отдельный договор, вообще заслуживает особого рассмотрения, учитывая противоречивую динамику развития двусторонних отношений в предшествовавшие годы. Излишним представляется также повторное упоминание об англофобии со ссылкой на работы известного петербургского историка Б.И. Колодникова (с. 24, 198).

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что книга, безусловно, очень интересна и

является творческой удачей авторов. Полагаю, что новое фундаментальное исследование социальной ментальности в контексте мировых войн XX столетия, представленное на суд читателя А.В. Голубевым и О.С. Поршневой, внесёт заметный вклад в наше понимание проблемы становления и трансформации образно-представленческой картины мира.

Е.Ю. Сергеев

Примечания

¹ Краткую характеристику зарубежной историографии второй половины XX в. по этой тематике см.: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001. С. 12.

² См., например: *Neilson K., Prete R.* (eds) *Coalition Warfare: An Uneasy Accord.* Waterloo (Ca), 1983; *Wallach J.L.* *Uneasy Coalition.* The Entente Experience in World War I. Westport, 1993.

³ Развёрнутая характеристика «дипломатической революции» даётся в статьях: *Сергеев Е.Ю.* Англо-российская Антанта 1907 г. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65; *он же.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. 2008. № 2. С. 80–93; *он же.* Англо-русская Антанта 1907 г.: мифы и реальность // Россия и Британия. Вып. 5. М., 2010. С. 54–64.

Т. Флинк. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955. СПб.: Гйоль, 2011. 390 с.

Интерес к книге Тойво Флинка у меня был в известной степени личным. Из рассказов своей жены, ингерманландской финки, я знал, что семью её отца в 1936 г. депортировали из места постоянного проживания на Карельском перешейке, из Куйвозовского района. При этом, однако, семья получила возможность выбора места будущего проживания на территории Ленинградской области и компенсацию за утраченное имущество. Как такое могло произойти? В книге Тойво Флинк я нашёл ответ на интересующий меня вопрос, а также узнал много другой интересной и полезной информации, выявленной автором в архивах и книгохранилищах Финляндии и России. Особое место в ис-

следовании занимают многочисленные интервью автора, в том числе и с действующим президентом Финляндии Тарьей Халонен.

Инкери, Ингрия, Ингерманландия – об «исконной» государственной принадлежности этих земель говорить весьма сложно. Многие века здесь жили рядом славянские и финские племена. В средневековье эта территория входила в состав земель Новгородской республики. В начале XVII в. она была завоёвана Швецией, затем вновь возвращена Петром I, построившим именно здесь новую столицу – Санкт-Петербург.

Свой рассказ Т. Флинк начинает с событий после Февральской революции

1917 г. Перед читателем предстаёт картина бурных месяцев революций и Гражданской войны. Появление совершенно новых независимых государств, Эстонии и Финляндии, коренным образом изменило геополитические реалии на Северо-Западе России. Гражданская война и военное противостояние Советской России с новыми государствами породили огромное количество авантюристов, готовых перекраивать карту Европы. Так, со стороны «Временного управления по делам Ингерманландии» в 1919 г. выдвигались предложения превратить Петроград в «небольшой вольный город» (с. 21). Обсуждались вопросы и о федеративном государстве, состоящем из Финляндии, Эстонии и Восточной Карелии. Более здравомыслящие политики, конечно, «поправляли» своих зарвавшихся коллег: «Ингерманландии не следует помышлять об отделении от России. Россия никогда не откажется от Петрограда и от выхода к Балтийскому морю... Финляндия и пальцем не пошевелит ради нас, потому что две трети парламента против» (с. 24). Определённые надежды возлагались и на автономию в составе России. Однако авторы этих проектов исходили из положения, что финское население Петроградской губернии будет национальным большинством. Действительность же была иной. По переписи 1920 г. лица финской национальности в этой области составляли лишь 16% от общего числа населения.

Начавшаяся в 1921 г. новая экономическая политика способствовала не только свободе предпринимательства. В Советской России начался расцвет национальных культур малых народов. В некоторых сельсоветах Ленинградской области административным языком был финский. Выходили газета «Вапаус» («Свобода») и журналы, было создано книгоиздательство «Кирья» («Книга»). Достаточно успешно развивалась сеть школ, их число достигло 280. Функционировали и средние учебные заведения с преподаванием на финском языке, в частности педагогические техникумы в Гатчине и Ленинграде, сельскохозяйственный техникум в Рябове. При Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена было открыто финское отделение. В Ленинграде работал финский Дом просвещения.

Ситуация стала меняться к концу 1920-х гг. Началось постепенное ограничение деятельности национальных органов. В 1930-е гг. к этому добавились ещё три фактора: высылка и принудительное переселение людей из мест постоянного проживания; прекращение школьного обучения на финском языке и свёртывание финноязычной культурной деятельности; потеря в 1938 г. национального статуса районами компактного проживания финнов. Особую роль в переселении и депортации финского населения сыграл А.А. Жданов. Т. Флинк отмечает, что изначально (по словам Жданова. – *Б.К.*) этот процесс должен был осуществляться «деликатно и вежливо». Более того, лидер ленинградских большевиков считал, что «переселенцы могли быть только благодарны за получаемые ими льготы и компенсации». Именно тогда и были назначены к переселению два колхоза из Куйвозовского района. Но за 1936 г. переселились всего 200 человек. В последующее же время дело пошло по нарастающей, затронув судьбы многих тысяч людей.

Значительная часть книги рассматривает трагическую судьбу ингерманландцев, оказавшихся как в немецкой, так и в финской зонах оккупации. После завершения в сентябре 1944 г. боевых действий и подписания советско-финляндского Соглашения о перемирии Финляндия была обязана, в соответствии с 10 пунктом Соглашения, отправить обратно в Советский Союз «интернированных и насильно вывезенных» советских граждан. При этом возвращение ингерманландцев на родину должно было происходить на основе личного волеизъявления, а не желающие возвращаться могли остаться в Финляндии. Большинство репатриированных приняли решение вернуться в СССР. Это мотивировалось желанием вернуться в родные места и найти потерянных во время войны членов семьи и близких родственников. Кроме того, в значительной степени этому способствовали неудовлетворённость условиями жизни в Финляндии и имеющаяся напряжённость в отношениях между ингерманландцами и местным населением. Как указывает автор, «заработок не всегда устраивал работавших в сельском хозяйстве переселенцев. Довольно часто их положением злоупотребляли. Им пла-

тили несколько меньше, чем положено по тарифу, а когда было возможно, то и намного меньше... А прибывшие в Финляндию зимой 1944 года испытывали также и горькое разочарование, потому что при расселении их разлучали с членами семей и родственниками» (с. 142). Однако, несмотря на обещания советских представителей, переселенцев не вернули в родные места. Они были расселены на территориях Псковской, Новгородской и Ярославской областей. Возвратиться домой они смогли только в середине 1950-х гг.

Для работы Т. Флинка характерно умелое использование архивных материалов. Машинописные копии документов включены непосредственно в текст работы. Присутствует большое количество схем, карт, иллюстраций и фотографий. Книга читается с большим интересом. Автор идёт от общего к частному, рассказывая о многих событиях через судьбы конкретных людей.

Однако к его исследованию есть и ряд вопросов, замечаний и пожеланий. Прежде всего, несколько зауженными кажутся заявленные хронологические рамки исследования: 1944–1955 гг. Автор начинает рассматривать этот период лишь с 88-й страницы своей работы. На определённые размышления наталкивают выводы Т. Флинка относительно численности ингерманландцев, не пожелавших вернуться на родину. Он пишет: «Из всех переселенцев в Советский Союз возвратили около 56 тысяч человек... примерно каждый седьмой не хотел возвращаться в Советский Союз. А это – значительное количество» (с. 137). Но, если учесть советскую

предвоенную политику по отношению к финскому населению, репрессии и высылки, количество в 15% не кажется столь уж большим. Тем более что финская пропаганда, особенно неофициальная, немало сделала для того, чтобы ингерманландцы задумались, что ждёт их в СССР. Следовало бы более подробно остановиться на вопросе взаимоотношений интернированных с местным русским населением. Иногда к вновь прибывшим людям относились весьма враждебно, а иногда оказывали посильную помощь, порой отдавая последнее. Рассказывая о трагедии ингерманландских переселенцев, автору стоило бы упомянуть и о тяжёлой участи славянского населения в финской зоне оккупации. Весьма некорректным представляется утверждение о том, что «захватив в 1917 году власть, большевики заменили диктатуру пролетариата диктатурой своей партии» (с. 274). Советское государство официально именовало себя «диктатурой пролетариата» после Октябрьской революции 1917 г.; СССР продолжал официально оставаться государством диктатуры пролетариата вплоть до принятия Конституции 1977 г.

В целом же книга производит благоприятное впечатление. Автором проделана большая кропотливая работа как с финскими, так и с российскими источниками. Эта тема для него не просто академическое исследование – это боль и трагедия его народа. Книга Тойво Флинка позволяет читателю понять одну из сложных и противоречивых проблем истории Северо-Запада России.

Ковалёв Б.Н.

С.Б. Филимонов. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 408 с., ил.

Рецензируемое издание посвящено проблеме своеобразия научной, культурной и религиозной жизни в Крыму конца XIX – середины XX в. и содержит значительный фактографический материал. Больше половины статей, докладов, корреспонденции, представленных здесь, были опубликованы ещё в годы Граждан-

ской войны в «белом Крыму» на страницах малотиражных изданий, но впоследствии эти чудом уцелевшие материалы на многие десятилетия попали в разряд «антисоветских» и дополнили собой практически недоступные для изучения «спецхраны». Поэтому до последнего времени они оставались неизвестными не только широкой